

Записки охотника «Бурмистр»

Содержание

- ❖ *История создания, место в творчестве автора*
- ❖ *Сюжет*
- ❖ *Характеристика героев*
- ❖ *Проблематика*
- ❖ *Смысл названия*
- ❖ *Конец*

История создания, место в творчестве автора

- *Большую роль играет тургеневский рассказчик как объединяющее начало книги. Он – охотник, а охотничья страсть, по Тургеневу, вообще свойственна русскому человеку; “дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдет он бродить... по болотам да по лесам, с утра до вечера”. На этой общей для барина и мужика основе и завязывается в книге Тургенева особый, открытый характер взаимоотношений рассказчика с людьми из народа.*

Повествование от лица охотника освобождает Тургенева от одностороннего, профессионального взгляда на мир. В книге сохраняется непреднамеренная простота устной речи. Авторские творческие усилия в ней остаются незаметными, возникает иллюзия, что это сама жизнь являет нам яркие народные характеры, изумительные картины природы.

В “Записках охотника” изображается Россия провинциальная, но Тургенев занавес провинциальной сцены широко раздвигает, видно, что творится там, за кулисами, в России государственной.

Тургенев, сохранивший на всю жизнь вражду к крепостному праву, и позднее обращался к изображению русской жизни эпохи крепостничества.

Основная работа над рассказом «Бурмистр» велась в мае–июне 1847 г. в Зальцбрунне во время тесного общения Тургенева с Белинским – главой натуральной школы, вдохновителем молодых писателей-реалистов и интерпретатором их произведений. Белинский высоко оценил этот рассказ.

Впоследствии Герцен, имея в виду сатирическую линию рассказов Тургенева и среди них «Бурмистра», утверждал: «У Тургенева есть свой предмет ненависти, он не подбирает крохи за Гоголем. Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества».

В каждом из рассказов “Записок охотника” есть та неповторимость речи и смысла, которая делает его рассказ законченными прекрасным в своей отдельности. Но, любуясь матовой белизной крупной жемчужины, мы все же помним о том, что красота жемчужной нити есть та завершенность неведомого нам и прекрасного замысла, в котором нет и не должно быть видимого истока и предела. Но за правдой факта и наблюдения в рассказах Тургенева всегда присутствует то, без чего немислимо художественное повествование: воображение, поэтическое одухотворение мира видимого, слышимого и осязаемого. Художественная мысль писателя творит пространство смысла, в котором люди, животные, деревья и предметы вовлечены в бесконечный поток развивающейся жизни .

“Записки охотника” именно потому и отнесены временем и людьми к шедеврам художественного повествования, что в каждом из рассказов есть то неповторимое соединение “силы”, “воображения” и “выдумки”, которое извлекает поэзию из обыденного, неповторимое – из заурядного. А сами “Записки охотника”, то есть заметки, обрывки воспоминаний из отрывочных наблюдений бывалого охотника стали теми художественными “растениями”, которые бесконечно долго живут в историческом времени.

Главная тема “Записок охотника”, сквозной мотив, пронизывающий все повествование – это мотив жизни.

Черновая рукопись «Бурмистра» носит следы двойных исправлений. Одни сделаны Тургеневым в процессе написания рукописи чернилами на полях, между строк. Они подчеркивают антирусские, антинародные черты Пеночкина. Так, например, в фразе: «...он не хотел отпустить меня без завтрака» вставлено: «на английский манер». Туфли Пеночкина первоначально были охарактеризованы как «небольшие красивые», затем Тургенев поставил: «китайские желтые». Рукопись показывает, что космополитичность облика Пеночкина Тургенев подчеркивал сознательно, как и отсутствие у него вкуса, любовь к позе. Тургенев много внимания уделял жестам, движениям Пеночкина.

Так, в характеристику приехавшего в деревню Пеночкина Тургенев вписал фразу: «Г-н Пеночкин встал, живописно сбросил с себя плащ и вышел из коляски, приветливо оглядываясь кругом». Слово «оглядываясь» Тургенев заменил другим: «озираясь». Писатель подчеркнул холодное высокомерие Пеночкина («взирал» вместо «глядел»). В сочетании с картиной пустыющей по мере приближения Пеночкина деревни это слово придает описанию иронический оттенок: Пеночкину не на кого обратить свое великодушное внимание — все разбежались, поэтому он «озирается», как бы ища, кому показать себя.

- *Пеночкин выглядит смешным потому, что «позирует» даже «в пустом пространстве».*
- *Тургенев, исправляя рукопись, все больше подчеркивал нарочитую расчетливость движений, жестов Пеночкина, деланность, ненатуральность его манер. В фразу: «промолвил он с приятной улыбкой, обращаясь ко мне», Тургенев вставил, зачеркнув последние слова: «дружески коснувшись рукой до моего колена, и снова уставился на камердинера». Исправил писатель и речь Пеночкина. «Говорил он с расстановкой», — первоначально писал Тургенев; «голосом мягким и приятным» — окончательный вариант.*

Обращение Пеночкина: «Эй, Василий!» — заменено более соответствующим Пеночкину: «Эй, кто там?» Ведь Пеночкин не хочет знать и звать своих крепостных по именам. Первоначально Пеночкин пытался воздействовать на оробевших перед ним крестьян словами: «Говорить что ли не умеете?» В окончательном варианте он произносит грубо-повелительно: «Языков у вас что ли нет?» - и снисходительно-презрительно: «Да не бойся, дурак».

Карандашные поправки, видимо, сделаны Тургеневым позднее. В результате их Тургенев придал больше категоричности отрицанию крепостнических отношений, утвердился в своем неприятии всех форм крепостничества. Рассказ первоначально заканчивался фразой: «Признаюсь, в тот день я на охоте больше думал об удобствах и выгодах оброчного устройства, чем о тетеревах». Тургенев зачеркнул эту фразу, а вместо нее написал карандашом то, что мы сейчас видим в рассказе: «Мы отправились на охоту». Размышления же о выгодах оброчного устройства он передал Пеночкину.

Сюжет

Недалеко от моего имения живёт молодой помещик, офицер в отставке, Аркадий Павлович Пеночкин. Человек он рассудительный и воспитанный, о подданных своих печётся и наказывает их для их же блага. Роста он небольшого и собой недурён. От его светло-карих глаз и румяных щёк так и пышет здоровьем и доброжелательством. Аркадий Павлович считается одним из самых образованных дворян и завидных женихов нашей губернии. Он осторожен, и ни в одну историю замешан не был. Его дом в Петербурге содержится в завидном порядке. Говорит Аркадий Павлович мягким и приятным голосом, обильно пересыпая речь фразами по-французски. Несмотря на все эти достоинства, я посещаю его неохотно. В его доме мною овладевает странное беспокойство.

Однажды мне пришлось провести у Аркадия Павловича ночь. Утром он не отпустил меня без завтрака, во время которого был наказан лакей, забывший подогреть вино. Пеночкин узнал, что я еду в Рябово, и решил отправиться со мной — в тех же местах находилось его село Шипиловка. Он очень хвалил тамошнего бурмистра Софрона, «государственного Человека».

С собой Аркадий Павлович захватил бездну вещей и повара. Ехали мы долго, и приехали прямо в Шипиловку. В тот день мне пришлось забыть про охоту и покориться своей участи. У околицы нас встречал староста, сын бурмистра, огромный рыжий мужик. Самого Софрона дома не оказалось. Мы поехали по деревне. При виде нашей коляски люди замолкали и разбегались. По селу распространялось тревожное волнение. Жена бурмистра встретила нас у крыльца и долго целовала ручку Аркадия Павловича.

Мы уже успели расположиться в холодной избе, когда приехал бурмистр. Он был небольшого роста, плотен, плечист и сед, с красным носом, маленькими голубыми глазками и бородой в виде веера. Войдя в избу, он заговорил нараспев и со слезами умиления приложился к ручке барина. Нам подали ужин, а бурмистр всё докладывал о делах и жаловался, что мало земли. Он рассказал, как на земле Пеночкина нашли мёртвое тело, а он велел стащить его на землю соседей и задобрил станового. Пеночкина позабавила эта уловка. Засыпая, Пеночкин заметил мне, что со времени управления Софрона за крестьянами не водится недоимок. На другой день Аркадий Павлович уговорил меня остаться, чтобы показать мне своё имение. Нас сопровождал Софрон. Во время осмотра он всё напирал на то, что мало земли, и Пеночкин разрешил прикупить её от своего имени.

Выходя из сарая после осмотра веялки, мы увидели двух мужиков в заплатанных рубахах. Старшего звали Антип. Они пришли жаловаться на бурмистра. Оказалось, что Софрон выплатил за них недоимку и взял в кабалу, да и не их одних. Всех взрослых сыновей Антипа Софрон отдал в солдаты, и последнего хотел отдать. Аркадий Павлович не захотел выслушать их до конца. До самого моего отъезда он дулся на Софрона.

Через час я уже был в Рябове и вместе со знакомым мужиком Анпадистом собирался на охоту. Я заговорил с Анпадистом о Софроне. Он рассказал, что Шипиловка только числится за Пенкиным, а владеет ею бурмистр. Земли у него гораздо больше, чем думает Пеночкин, кроме того бурмистр ещё и торговлей занимается. Антип как-то поспорил с бурмистром, и теперь Софрон мстит ему. Мы отправились на охоту.

Характеристика героев

Гнусным злодеем и тираном оказывается помещик — Аркадий Павлыч Пеночкин. Он молод, был офицером в гвардейском полку и вращался в высшем обществе; он изящен и щеголеват, считается «...одним из образованнейших дворян и завиднейших женихов... губернии». Но за этими чертами «культурного» дворянина обнаруживается тот же самовластный крепостник. Недаром дворовые люди у него смотрят угрюмо, исподлобья: каждому из них за малейшую неисправность грозит наказание вроде того, что ожидает лакея Федора за неподогретое вино. Выразительно нарисованы его приезд в Шипиловку, когда «тревожное волнение» распространяется по всему селу, и встреча с жалобщиками, которых он, не выслушав как следует, сразу обвиняет в грубости и пьянстве, называет бунтовщиками.

Только присутствие постороннего человека заставляет его воздержаться от немедленной расправы с крестьянами, замученными его бурмистром Софроном. Образ Аркадия Павлыча Пеночкина — один из самых сильных в книге Тургенева по своему обличительному значению. В. И. Ленин использовал этот образ в борьбе против современных ему дворян-либералов, прикрывавших лживыми фразами о «гуманности» свою крепостническую сущность. В статье «Памяти графа Гейдёна» Ленин писал о Пеночкине:

«Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора распорядиться».

...Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек... по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства...».

Двойственность облика Пеночкина раскрывается не только в авторской характеристике, но и в эпизодах рассказа.

У Пеночкина противоречие между внутренним чувством и внешним его выражением. В этих ремарках намечен переход Пеночкина от недовольства к хладнокровной жестокости. Чем глубже овладевает Пеночкиным жестокость, тем утонченнее становится ее проявление, тем меньше она внешне похожа на жестокость.

Помещик Пеночкин – образ, родственный Манилову Гоголя. Однако он лишен тех черт провинциальности, которыми наделен Манилов. Пеночкин – джентльмен, воспитанный и «либеральный» дворянин. Вместе с тем он предстает в книге Тургенева как воплощение крепостничества. Гоголь изобразил крепостническое дворянство, воплотив его во всех градациях его типов – от сентиментально-сладкого Манилова до звероподобного Собакевича. Тургенев рисует не столь разнообразный мир типов владельцев душ. Объектом своей сатиры он делает не носителей крайних, «экстремальных» черт дворянского сословия, а культурных, смягченных воспитанием и знанием норм «европейского» поведения его представителей.

Так, в характеристике бурмистра Софрона контрастируют три стилевых «пласта»: речь самого бурмистра, рассказ автора и отзыв крестьянина Анпадиста. Они опровергают положительное мнение о бурмистре, высказанное Пеночкиным еще в начале рассказа: «Бурмистр у меня там молодец, *line forte tete*, государственный человек!»

Софрон как бы старается поддержать мнение о нем барина, изображая преданность и любовь к Пеночкину. Но его фальшь и лицемерие видны и в ремарках автора, и в построении речи Софрона, и в тоне ее и лексике. Комментируя речь Софрона, Тургенев как бы обнаруживает «технику» разыгрывания чувств, показывает «леса», за которыми скрывается ветхое здание показной любви. Бурмистр говорит то «с таким умилением на лице, что вот-вот, казалось, слезы брызнут», то «как бы снова увлеченный порывом чувства (притом же и хмель брал свое)», то, наконец, «он запел пуще прежнего».

Комическое впечатление от речи бурмистра создается прозрачной, легко обнаруживаемой «народной этимологией». Софрон связывает незнакомые ему слова с совсем другими, имеющимися в его обиходе словами. Тут видно и желание употребить «барское словцо», и «практицизм» бурмистра. Так, он говорит: «посредственника удовлетворил и» вместо «посредника удовлетворили», видимо, связывая значение слова «посредник» со словом «средство» (с помощью которого можно чего-то добиться), а слово «удовлетворили» со словом «удобство» (поставили посредника в удобные для него обстоятельства).

Иногда своим приемом Софрон пользуется, видимо, сознательно, так как он придает бурмистровой речи лестный для Пеночкина смысл: «деревеньку нашу просветить (вместо «посетить») изволили». Софрон «переслащивает» свою речь, согласуя с местоимением «вы» (формой вежливого обращения) существительное во множественном числе: «Да ведь вы, наши отцы, вы милостивцы...»

Окончательную характеристику бурмистра он передает мужику Анпадисту. Так появляется в рассказе еще один стилистический слой — грубовато-неправильной мужицкой речи: «мошенник беспардонный, пес, прости, господи, мое прегрешение»

Смысл названия

Ирония Тургенева переходит в более широкий социально-политический план благодаря тому, что она направлена не только на события, описанные в рассказе, но часто имеет в виду и аналогичные, широко распространенные в жизни явления.

